

[Рец. на: / Review of:] **L. Johanson, L. F. Mazzitelli, I. Nevskaya (eds.). *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. (Studies in Language Companion Series, 206.) Amsterdam: John Benjamins, 2019. 405 p. ISBN 9789027263001.**

Полина Сергеевна Плешак

Университет Мэриленда, Колледж-Парк, США;
ppleshak@umd.edu

Благодарности: Рецензия написана при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00627а.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.149-159

Polina S. Pleshak

University of Maryland, College Park, USA;
ppleshak@umd.ru

Acknowledgements: The review is written with support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00627a.

Категория посессивности входит в число грамматических явлений, которые давно привлекают внимание лингвистов [Seiler 1983; Heine 1997; Baron et al. 2001; Koptjevskaja-Tamm 2002; Kim et al. 2004; Stassen 2009; Aikhenvald, Dixon 2013]. Несмотря на долгую историю изучения и большой пласт фундаментальных работ, эта тема остается по-прежнему крайне привлекательной, и ее исследование не утрачивает своей актуальности. Яркое тому подтверждение — рецензируемый сборник статей, представляющий собой серию публикаций по итогам двух воркшопов, проводившихся в 2015 году: «Possession as a Linguistic Category» и «Possession and Ownership in the ‘LENCA’ languages». Сборник охватывает широкий спектр проблем, связанных с посессивностью, и ограничения заданы лишь относительно ареала: исследования проводятся на материале языков, распространенных в Европе и Северной и Центральной Азии. Такой выбор не кажется удивительным при взгляде на список редакторов: Ларс Юхансон является специалистом по тюркским языкам и языковым контактам тюрков с ареально близкими народами, Ирина Невская — специалист по языкам Сибири, а основной областью интересов Лидии Федерики Мацицелли является предикативная посессивность в Циркумбалтийском регионе.

Выбор ареала удачен: Европа вместе с Северной и Центральной Азией представляют собой достаточно обширную территорию, на которой широко представлены несколько языковых семей, среди которых вошедшие в сборник уральская, тюркская, индоевропейская и нахско-дагестанская. Помимо типологически ориентированного описания посессивности в ряде языков (в том числе малоизученных), по задумке редакторов, этот сборник должен показать, что феномены в области посессивности не ограничиваются ранее сделанными типологическими обобщениями и что есть интересные явления, ранее оставшиеся в тени.

Сборник содержит 15 автономных статей. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Первая статья «**Выражение ‘обладания’: мотивации, значения и формы**» (“Expressing ‘possession’: Motivations, meanings, and forms”), посвященная выражению посессивности в языках мира, написана Александрой Айхенвальд, одним из авторов большого труда по типологии посессивности [Aikhenvald, Dixon 2013]. В первой части статьи дан обзор всего спектра возможностей выражения посессивных отношений в именной группе (ИГ) (‘дом отца’, ‘рука девочки’, ‘брат Васи’), а также факторов, которые могут влиять на выбор конструкции в том случае, если в языке существует более одного способа кодирования посессивных отношений. Обсуждаются и различия в синтаксических свойствах конструкций: возможность прономинализации посессора и употребления в предикативной конструкции. Во второй части подробнее рассматривается то, как иконичность и стремление к экономии взаимодействуют при выборе конструкции. Согласно принципу иконичности, чем теснее отношения между членами конструкции, тем меньше в ней формальных

средств выражения. Действительно, в языках мира очень часто более «тесная» неотчуждаемая принадлежность выражена конструкцией с соположением без маркирования, в отличие от отчуждаемой, требующей наличия некоторого дополнительного маркера. Автор приводит несколько примеров, среди которых посессивные конструкции в австралийском языке йидинь: *wagu:ja jina* (мужчина нога) ‘нога мужчины’ vs. *waguja-ni guda:ga* (мужчина-GEN собака) ‘собака мужчины’ [Dixon 2010: 284]. В связи с принципом иконичности А. Айхенвальд рассматривает референтность (specificity): более референтные поссессоры требуют более эксплицитного маркирования, а генерические могут выступать в конструкции с соположением. Наконец, принцип экономии гласит, что отношения между наиболее часто встречающимися вместе понятиями могут иметь редуцированное выражение, что также подтверждается языковыми примерами. Помимо этого, в статье рассматривается особая роль участников ситуации в посессивной конструкции, а также непосессивные употребления посессивных маркеров в связи с особым маркированием в конструкциях с референтными ИГ.

Статья является типологической и затрагивает множество интересных явлений. Однако остановимся подробнее на нескольких аспектах, вызывающих вопросы. Во-первых, несмотря на то, что в статье явно не ставится задача обзора предыдущих типологических исследований посессивности, несколько удивительно, что нигде не упомянута основополагающая работа Дж. Николз об отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности [Nichols 1988], тогда как она очень близка данной статье по своей тематике и целям и содержит большое количество важных для типологии данных и интересных обобщений. Дж. Николз выделяет типы языков согласно стратегиям кодирования в них отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности (например, нулевое маркирование в первом случае и вершинное маркирование во втором и т. п.). Так, было бы интересно увидеть, насколько типы, выделенные в [Nichols 1988], и частота их встречаемости в языках мира соотносятся с принципом иконичности.

Во-вторых, автор приводит примеры из колымского юкагирского (1), комментируя их таким образом, что посессивный маркер появляется на обладаемом в том случае, когда поссессор неререферентный.

- (1) а. [*gamun-de numø*] *omni*
 сколько-INDEF дом люди
 ‘несколько семей людей’
- б. [*ataq-un numø*] *uørpe-p-ki*
 два-ATTR дом ребенок-PL.POSS
 ‘дети из двух семей’

В целом согласившись с утверждением о важности референциального статуса поссессора, нельзя не отметить, что подобранная пара примеров далека от минимальной. В (1a) представлена псевдопартитивная конструкция, в которой зависимое выполняет роль меры, тогда как в (1b) отношения можно было бы отнести к типам ‘целое — часть’, ‘группа — член’ или даже к локативным. Отсутствие посессивного показателя в (1a) может быть обусловлено именно отношением, а не референтностью поссессора. Так, в мокшанском языке генерический поссессор (‘женская сумка’) действительно не вызывает поссессивного согласования на вершине, тогда как определенный (‘сумка (этой) женщины’) обязательно требует его. При этом в псевдопартитивных конструкциях даже при попытке сделать зависимое определенным (‘два **этих** стакана муки’) поссессивный показатель будет отсутствовать [Плешак, Холодилова 2018].

В-третьих, было бы интересно более развернутое обсуждение тех случаев, которые не укладываются в принцип экономии. Этот принцип, в частности, иллюстрируется в статье отсутствием посессивного маркера при словах ‘мать’ и ‘отец’ в исландском. При этом, например, в горномарийском языке ограниченный список терминов родства как раз требует

обязательного посессивного согласования, в отличие от всех прочих имен [Плешак 2017], что является контрпримером и может заслуживать отдельного обсуждения.

Тем не менее статья гармонично учитывает интересные явления, освещенные в других статьях сборника, и представляет собой хороший обзор, который может быть рекомендован для чтения тем, кто желает получить представление о проблематике примененной посессивности.

Статья «**Предикативная посессивность в возрожденном корнском**» (“*Predicative possession in revived Cornish*”), написанная Деборой Арбес, особенно интересна тем, что в ней сравниваются возникающие в процессе жизни языка стратегии кодирования посессивности, а не предписываются некоторые правила для возрожденного языка, что, по словам самого автора, было характерно для предыдущих работ о корнском языке. Кроме того, в статье проводится сравнение с другими кельтскими языками, а также сравнение узуса в устной и письменной речи. Работа содержит обширный языковой материал, автор обсуждает различные подходы к его интерпретации. Одна из конструкций — *a'm beus* ‘я имею’ — разбирается особенно подробно. Утверждалось, что согласование в ней происходило с обладаемым, а с течением времени она переосмыслилась как транзитивная (с посессором в качестве субъекта). Описывая паттерны согласования, автор показывает, что переход в транзитивную конструкцию еще не завершен. Кроме того, вопреки распространенному мнению, в этой конструкции никогда не было согласования с объектом: глагол стоял в дефолтной форме (3sg). Также в кельтских языках обнаруживается конструкция, не описанная в предыдущих исследованиях по предикативной посессивности [Heine 1997; Stassen 2009]. Так называемая *companion-конструкция* (POR¹ is with PUM) подразумевает, что субъектом является посессор, тогда как в кельтских языках им является обладаемое (*there is PUM with POR*). Таким образом, статья вносит вклад не только в описание возрожденного корнского, но и в общее понимание того, какие средства выражения предикативной посессивности могут использоваться в языках мира.

В статье «**Посессивные цепи и маскировка посессора**» («*Possessive chains and Possessor Camouflage*») Бернард Комри рассматривает удивительно интересное и ранее не описанное явление — маскировку посессора (*possessor camouflage*). Заключается оно в особенном маркировании срединного посессора — референта, являющегося обладателем одной сущности и обладаемым другой (‘подруга брата Маши’). Это явление засвидетельствовано в двух группах языков, далеких друг от друга и ареально, и генетически: якутском и долганском (алтайские), а также в гойдельских (кельтские) языках. В якутском языке посессор в нормальном случае не маркирован генитивом, однако срединный посессор, являясь обладаемым посессора третьего лица, получает генитивное маркирование, что может быть реликтом некогда использовавшейся в языке генитивной формы. В гойдельских языках посессор, напротив, в нормальном случае оформляется генитивом, а срединный посессор не получает генитивного маркирования. Автор замечает, что на двух случаях пока еще рано строить типологию срединных посессоров, однако упоминает, что занимается исследованием этого вопроса в языках Африки и Северной Америки. Единственным недостатком статьи, на мой взгляд, является отсутствие неграмматичных примеров при утверждениях о невозможности отсутствия/присутствия генитивного маркирования на срединных посессорах.

Статья Евы Чато «**О турецких неканонических посессивах**» («*On Turkish non-canonical possessives*») раскрывает перед читателем проблему наличия в турецком языке посессивных конструкций, в которых используется нестандартная стратегия маркирования. В то время как «канонически» при генитивном посессоре на обладаемом должен быть показатель посессивности (2a), есть и неканонические случаи, когда обладаемое остается немаркированным (2b). Это встречается исключительно в разговорной речи в контекстах высокой известности объекта для слушателя (*familiarity*).

¹ POR — посессор (*possessor*), PUM — обладаемое (*possessum*).

- (2a) *Mehmet'-in kari-sı* [Мехмет-GEN жена-poss3sg] 'жена Мехмета'
 (2b) *Mehmet'-in kari* [Мехмет-GEN жена] 'жена Мехмета (Мехмет — говорящий, передающий чужую речь)'

Неканонические конструкции имеют ограничения на семантические отношения между членами ИГ: каноническая конструкция кодирует родство, обладание, локативные отношения, отношение 'целое — часть' и партитивные отношения ('трое из детей'), тогда как неканоническая конструкция не охватывает два последних. Категория известности как особый подвид определенности сама по себе является довольно зыбкой, поскольку нет четких критериев, позволяющих определить, когда некоторый объект является достаточно близким в сознании участников ситуации. Утверждения о грамматичности, отсылающие к концептам такого рода, могут вызывать вопросы, но следует отметить, что автор делает все возможное для того, чтобы удовлетворить даже самого скептически настроенного читателя. Е. Чато демонстрирует, что известность несовместима с введением нового топика, зато сохранение старого топика или отсылка к протагонисту являются надежными контекстами известности. Кроме того, автор показывает, что категория известности важна для тюркских языков в целом [Dolatkhah et al. 2015; Hedberg et al. 2009: 7]. В статье также обсуждается вклад посессивных маркеров в семантику конструкции, среди которых отмечается контрастивность и выбор из множества, что кажется любопытным в связи с дискурсивными функциями посессивного показателя, которые обсуждают Сердобольская и др. в рецензируемом сборнике (см. ниже).

В статье «**Предикативная посессивность в южносаамском**» («*Predicative possession in South Saami*»), написанной Нобуфуми Инабой и Рогиром Блокландом, описываются предикативные посессивные конструкции в южносаамском в сравнении с другими саамскими языками. Наиболее частой является переходная конструкция с глаголом 'иметь', возникшая, скорее всего, под германским влиянием. В контекстах временного обладания и в случае, когда посессором является личное местоимение, может быть использована только эта конструкция. Также в южносаамском есть особая конструкция, не встречающаяся в других саамских языках. В ее основе лежит бытийный глагол, однако посессор выражен генитивом.

- (3) *Dihte gien bieljieh, dihte goltele!*
 3sg.nom kto.gen uxо.nom.pl 3sg.nom слышать.prs.sg3

'Кто имеет уши слышать, да слышит!' (Мк 4:9, с. 106 рецензируемого сборника)

Интересно, что именно она является второй по частотности после переходной. Конструкция с бытийным глаголом и локативным падежом, используемая в прочих саамских языках, в южносаамском тоже есть, но она ограничена контекстами, в которых посессор неодушевленный, а обладаемое является его частью ('на кофте есть пуговицы'). Статья содержит подробное типологически ориентированное описание распределения конструкций в языке, однако несколько не хватает описания их синтаксических свойств.

В статье Бирсель Каракоч «**Предикативная посессивность в огузских и кыпчакских языках**» («*Predicative possession in Oghuz and Kipchak Turkic languages*») рассматривается сосуществование предикативных конструкций с неглагольным предикатом {BAR} и с глагольным предикатом {BOL}². Предикат {BAR} обозначает исключительно статическую посессивность. Он сочетается с копулами, выражающими категории времени (за исключением контекстов с будущим временем, где используется только {BOL}), эвиденциальности и презумпции, и имеет супплетивное отрицание; посессор же может стоять в локативе или генитиве. Конструкция с генитивным посессором, вызывающим согласование

² Формы, указанные в фигурных скобках, представляют собой обобщенную запись соответствующих единиц, имеющих различную реализацию в разных языках. Например, варианты реализации единицы {BAR} — *bar*, *ba:r* или *var*.

на обладаемом, является наиболее распространенной в рассматриваемых языках. Конструкция с локативным посессором, не вызывающим согласования, в основном используется для обозначения временного обладания и не употребляется для обозначения неотчуждаемой принадлежности. В азербайджанских говорах на территории Ирана есть также конструкция, в которой генитивный посессор вызывает согласование не на обладаемом, а на предикате. В отличие от нефинитной конструкции с {BAR}, конструкция с глагольным предикатом {BOL} может выражать не только статическую (быть обладателем), но и динамическую (стать обладателем) посессивность. Она больше распространена в кыпчакских языках и в туркменском, в противоположность западногузским. Статья интересна в первую очередь тем, что конкуренция конструкций рассматривается не в одном языке, а на материале целой группы языков, и таким образом не только достигается цель более детального описания конструкции в отдельных языках, для которых ранее не было достаточно данных, но и делаются обобщения о межъязыковой вариативности.

Следующая статья — «**Местоименные и адъективные приименные посессивные зависимые в разговорном чешском**» (“Pronominal and adjectival attributive possession in spoken Czech”). Одной из своих задач автор статьи, Ян Крживан, ставит сопоставление употребления соответствующих атрибутивных посессоров в устной и письменной речи. Используя статистические методы, автор показывает, что посессоры высоко активированы в дискурсе, имеют тенденцию быть одушевленными и личными и выражаются чаще всего местоимениями, а также именами собственными. Притяжательные прилагательные образуются в основном от имен собственных, причем число отсылающих к референтам мужского рода значительно превышает число отсылающих к референтам женского. Однако проведенный автором внимательный анализ показывает, что это связано в первую очередь с широким использованием референтов мужского рода в коллокациях и идиомах, а также с большим количеством референтов мужского рода в дискурсе в целом. Среди имен нарицательных, образующих прилагательные, выделяются реляционные имена, находящиеся после имен собственных в иерархии одушевленности. В целом для нарицательных имен в чешском образование прилагательных нехарактерно. Эти результаты подтверждают известные из теоретической литературы [Silverstein 1976; Heine, König 2010] идеи о важности для различных языковых явлений иерархий известности и активации в дискурсе. Наконец, автор подходит к сравнению встречаемости притяжательных прилагательных и местоимений в устной и письменной речи. Оказывается, что в письменной речи они встречаются значимо чаще. Не вполне ясным и требующим дополнительного обсуждения представляется вывод автора о том, что необходимость выразить более известных посессоров более выделенным способом привела к возникновению притяжательных форм в чешском языке, причем для непрототипических контекстов этот процесс был обусловлен нуждами, характерными для письменного дискурса.

Лидия Федерика Мацителли ставит в фокус своей статьи «**Предикативная посессивность в северносаамском и норвежском**» (“Predicative possession in North Saami and Norwegian”) типологическое сходство двух неродственных языков. Ядерное (законное обладание) и периферийные (например, часть — целое, абстрактное обладание ‘у неба голубой цвет’, социальное ‘у меня есть брат’) посессивные отношения в области предикативной посессивности составляют некую шкалу, на которой могут быть расставлены границы: отношения, находящиеся по разные стороны от этих границ, кодируются по-разному. По словам автора, и норвежский, и северносаамский ведут себя с этой точки зрения типично для языков Европы — они выражают все отношения на шкале одинаково. При этом сами конструкции, используемые каждым из языков, различны: в норвежском используется переходный глагол ‘иметь’, тогда как в северносаамском — бытийный глагол и субъект в локативе (см. также статью Инабы и Блокланда в рецензируемом сборнике, с. 106). Помимо отношений, относящихся типологически к посессивным, Л. Ф. Мацителли рассматривает атрибутивные (‘у девушки голубые глаза’) и экспериенциальные (‘у девушки температура’) отношения. Здесь картина оказывается несколько сложнее,

поскольку в северносаамском посессивная конструкция гораздо более свободно выражает экспериенциальные отношения. Это автор объясняет различиями в путях грамматикализации. В северносаамском посессивность выражается локативной схемой (Location schema), согласно классификации Б. Хайне [Heine 1997]. Локации, посессоры и экспериенцеры, являясь непрототипическими деятелями, могут иметь одинаковое морфосинтаксическое кодирование. В противоположность локативной, схема действия (Action schema), используемая в норвежском, создает некоторый конфликт. Ограничения на экспериенциальные значения автор выводит следующим образом: в посессивной конструкции агент переосмысливается как посессор, а затем и как экспериенцер, а выбор стимулов, которые подходят на роль «обладаемых» в этой переходной конструкции, ограничивается лишь особой семантической группой: заболевания. Таким образом, статья показывает типологию посессивных конструкций с той точки зрения, что структурные и функциональные свойства конструкций должны рассматриваться независимо. Кроме того, автор показывает необходимость принимать во внимание пути грамматикализации. Однако, как замечает в заключении статьи сама Л. Ф. Мацителли, необходимы дополнительные исследования в области выражения конструкциями с глаголом 'иметь' экспериенциальных значений, поскольку ограничения, найденные в норвежском, далеко не универсальны.

Следующая статья, авторства Амина Мемтимина, называется «**Посессивность и обладание в современном уйгурском**» ("Possession and ownership in Modern Uyghur"). В первых четырех частях автор описывает морфосинтаксические и семантические свойства приименных посессивных конструкций. Остановимся подробнее на некоторых аспектах этого описания. Во-первых, автор пишет о четырех параметрах, составляющих посессивную конструкцию (посессор, обладаемое, посессивный маркер, генитивный маркер), и о четырех видах возможных их комбинаций (все элементы присутствуют, опущение посессора, опущение генитивного маркера, опущение посессивного показателя). Очевидным образом это укладывается в тюркологическую традицию описывать ИГ в терминах изафетных конструкций [Гаджиева, Серебренников 1986; Lyutikova, Pereltsvaig 2015; Erbası, Gündoğdu 2017], однако автор даже не упоминает о существовании такого подхода. Во-вторых, само противопоставление «опущения посессора» и «опущения посессивного показателя» может показаться терминологически неловким и требует отдельных замечаний, поскольку некоторые исследователи считают, что посессивный маркер и есть выражение посессора, а не просто согласование [Haspelmath 2013; Croft 2013]. Наконец, автор говорит об инверсии посессивного отношения ('директор завода' vs. 'завод директора'; 'отец ребенка' vs. 'ребенок отца') и замечает, что в тех случаях, когда один из членов конструкции одушевленный и особенно имя собственное или местоимение, инверсия невозможна. Применение такого «трансформационного» подхода спорно, поскольку большинство противопоставлений можно описать чистыми ограничениями на вершинное имя в посессивной конструкции (в частности, невозможность в позиции вершины местоимений и имен собственных), как следует из приводимых автором примеров (18)–(30). Примеры, в которых на слове 'отец' обязателен посессивный маркер, рассматриваются как удивительные, хотя это легко может быть объяснено особым поведением реляционных имен: они требуют обязательного посессивного согласования.

В целом в статье затронуто немало важных вопросов: помимо приименной посессивности рассматривается предикативная, отдельно обсуждаются случаи временного обладания, затрагивается отчуждаемость, метафорические употребления частей тела, а также посессивность в неиндикативных контекстах. Однако упомянуты эти сюжеты лишь вскользь. Несколько не хватает установления связей между конструкциями и более подробного рассмотрения их синтаксических свойств. Например, при номинализации посессивного предиката (*существование*) мы видим посессивное согласование предиката с обладаемым, однако обладаемое стоит не в генитиве, а в номинативе. В этой связи было бы интересно, с одной стороны, обсудить глагольные и именные свойства номинализации [Givón 2001; Alexiadou 2001], с другой — сравнить с именной конструкцией «изафет-2», в которой

зависимое, не маркированное генитивом, вызывает согласование. Например, полезными оказались бы примеры с местоимениями 1-го или 2-го лица в качестве обладаемых. Кроме того, ни одно из утверждений о возможностях маркирования не сопровождается отрицательным материалом, как это принято во многих современных синтаксических исследованиях для более четкого представления данных. В примере (73) на с. 202 есть опечатка: в глоссах пропущен генитив.

Несмотря на большое количество интересных данных, которые безусловно очень полезны для типологии, в статье все представлено под таким углом, будто свойства эти уникальны для уйгурского и найдены в тюркском языке впервые, тогда как было бы очень полезно как раз сопоставить их с имеющимися типологическими данными, а также представить анализ с опорой на предыдущие исследования в этой области.

Статья Ирины Невской и Сауле Тажибаевой «**Суперлативные прочтения посессивных конструкций в тюркских языках**» (“Superlative readings of possessive constructions in Turkic”) посвящена тюркским посессивным конструкциям, обозначающим превосходную степень проявления некоторого свойства вершинного имени (ср. русск. *царь царей*, *песнь песней*). Такое прочтение не является каноническим и развивалось скорее всего под влиянием библейских текстов. В статье представлен обзор канонических посессивных и канонических сравнительных конструкций, затем подробно рассматриваются 12 типов неканонических посессивных конструкций, различающиеся категорией каждого из членов конструкции (существительное vs. прилагательное) и наличием маркера множественного числа. Далее казахские данные сравниваются с турецкими и с данными языков юга Сибири и, наконец, дается обзор подобных конструкций в английском. Статья представляет немалый интерес для типологии и диахронической лингвистики и содержит не только множество данных, но и их анализ. Не вполне ясно, однако, почему, описывая сравнительные конструкции, авторы говорят о локативном маркировании стандарта сравнения, приводя такие примеры, как (4)³, и говоря, что *в наших лесах* — стандарт сравнения.

(4) *В наших лесах белки — самые красивые животные.*

В той же статье ниже есть такой пример, как (5), в котором есть схожее по семантике и функции темпоральное выражение (ИГ, маркированная локативом), в данном контексте не рассматриваемая авторами статьи как стандарт сравнения.

(5) *В свое время она сильнейшая из всех живущих.*

В статье «**Посессивность в хиналугском языке**» (“Possession in Khinalug”) Моника Ринд-Павловская описывает систему, в которой различаются три вида генитива, маркирующего посессора: используемый для маркирования отчуждаемой принадлежности, неотчуждаемой принадлежности, а также особая форма, используемая только на местоимениях, реферирующих к членам одной семьи. При этом, как подчеркивает автор, родственные отношения устанавливаются именно между самими посессорами, а не между посессором и обладаемым (6).

(6) *šũ qonšu*
1PL.EXCL:GEN.FAM сосед
'наш сосед (сосед **говорящего и его семьи**, но не слушающего)' (выделение мое — П. П.)

Статья является емкой и содержит множество теоретически и типологически интересных данных. В дальнейшем было бы любопытно найти связь этого явления с категорией ассоциативной множественности, характерной для нахско-дагестанских языков [Даниэль

³ Авторы приводят примеры на тюркских языках. Для большей ясности я привожу примеры (4) и (5) ((9с) и (10) в оригинальном тексте статьи) на русском языке, исходя из соображений, что изменение языка не должно влиять на определение семантических ролей.

2000], в особенности учитывая аналогию между местоименным числом и ассоциативной множественностью, приводимую еще в [Есперсен 1958: 221; Барулин 1980].

Далее следует статья Сюзанны Шустер **«Границы отчуждаемости в исландской атрибутивной посессивности в диахронической перспективе»** (“A diachronic perspective on alienability splits in Icelandic attributive possession”). После качественного обзора проблемы отчуждаемости и неотчуждаемости автор переходит к описанию системы в исландском. Основная проблема — наличие в современном исландском (в отличие от более ранних его стадий) определенного артикля на вершине в случае с отчуждаемой принадлежностью и его отсутствие в случае с отношениями родства (неотчуждаемая принадлежность). Части тела при этом проявляют скорее свойства неотчуждаемых имен: они могут кодироваться так же, как термины родства (в отличие от отчуждаемых имен), но при этом дефолтной для них является другая, особая конструкция. Таким образом, автор заключает, что область неотчуждаемой принадлежности разбита на две: отношения родства и части тела. Возникновение такой системы обусловлено действием двух факторов: влиянием датского языка и обобщением имеющейся в языке модели на область посессивных отношений. Автор утверждает, что большая стойкость родственных отношений к изменениям связана с одушевленностью терминов родства и их более высоким дискурсивным статусом. В целом выводы С. Шустер кажутся логичными, однако для большей доказательности утверждения об особом статусе именно терминов родства и о влиянии неотчуждаемости стоило бы также обратить внимание на отчуждаемые социальные отношения: ‘друг’, ‘учитель’, ‘директор’. Это позволило бы четче определить, влияет ли здесь именно фактор неотчуждаемости или скорее одушевленности.

Следующая статья — **«Грамматикализация посессивных маркеров в бесермянском диалекте удмуртского языка»** (“Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt”) — написана Натальей Сердобольской, Марией Усачевой и Тимофеем Архангельским. Известно, что посессивные маркеры помимо собственно посессивных значений могут обозначать также некоторые дискурсивные, часто близкие к обозначению определенности. Для того, чтобы определить, до какой степени посессивные показатели грамматикализованы в своей непосессивной функции, авторы исследуют их морфосинтаксические свойства в каждом из употреблений. Подробно рассмотрев ряд случаев, авторы заключают, что посессивные маркеры в непосессивных употреблениях нельзя считать маркерами определенности, как принято в уральских, а процесс, связанный с приобретением новых употреблений, представляет собой не грамматикализацию, а прагматикализацию — кристаллизацию прагматического значения. Такой анализ позволяет объяснить и факультативность рассматриваемых показателей в непосессивных контекстах, что входило в противоречие с гипотезой об их грамматикализации в определенные артикли. Можно было бы подумать, что такое поведение посессивных аффиксов идет вразрез с тем, что наблюдается во всех прочих уральских языках. Однако очень схожая ситуация, практически целиком вписывающаяся в данный анализ, наблюдается, например, и в горномарийском языке [Khomchenkova 2017]. Статья несомненно заслуживает внимания, поскольку представленные в ней данные и анализ помогают расширить взгляд на дискурсивные употребления посессивных показателей в уральских языках, описание которых за исключением отдельных работ (см., например, [Fraurud 2001]) ранее сводилось к обсуждению фактора определенности.

В статье **«О принадлежности: предварительные замечания о типологии *belong*-конструкций»** (“On belonging: Preliminary thoughts on the typology of belong-constructions”) Томас Штольц и Наталья Левкович фокусируются на свойствах конструкций с глаголом принадлежности, ранее остававшихся в тени. Авторы ставят перед собой масштабную задачу создания типологии таких конструкций и определения их места среди других предикативных посессивных конструкций (*«have-constructions»* и *«be-constructions»*). В статье приводятся результаты начального этапа исследования. Одна из частей посвящена *«belong-конструкциям»* в языках коренных народов Мексики. Данные для исследования

взяты из типологических опросников, хранящихся в «Archivo de las Lenguas Indígenas de México». Несмотря на ограниченный материал, авторам удается сделать некоторые интересные обобщения о «*belong*-конструкциях» в языках Мексики. В другой части на корпусном материале переводов «Гарри Поттера» рассматриваются те же конструкции в языках Европы, разделенных на группы: германские, романские, славянские и некоторые прочие. Показано, что даже генетически очень близкие языки могут выражать типичные виды контекстов по-разному.

Последняя статья «**Конкуренция посессивных конструкций в позднелатинских памятниках Италии**» (“Competing possessive constructions in Late Latin documents from Italy”), написана Чечилией Валентини. Исследование проводилось на материале ломбардских письменных памятников, а основной целью автора было проследить путь грамматикализации аблативного предлога *de* в маркер приименного зависимого, каким мы его наблюдаем в современных романских языках. Ч. Валентини показывает, что язык ломбардских грамот является переходной стадией от классической латыни, где предлог *de* мог маркировать именные зависимые только в таких отношениях, как происхождение, источник или отделение (‘оружие, взятое у греков’), к современным романским языкам, где он распространился и на обозначение посессивных отношений. Несмотря на то, что количество употреблений предлога *de* в ломбардских грамотах значительно возрастает в сравнении с употреблением в классической латыни, процесс грамматикализации на той стадии, по мнению автора, еще не завершен. Используя параметры грамматикализации, предложенные в [Heine, Nartog 2015], автор утверждает, что распространение и десемантизация уже произошли, тогда как эрозия наблюдается лишь в последующей эволюции в романские языки. Другим важным выводом оказывается то, что на устойчивость к грамматическим изменениям влияет фактор самого отношения (и его протитипичность), а также степень одушевленности маркируемого объекта.

Как можно заметить, каждая следующая статья не похожа на предыдущую. Во-первых, нет ограничения на методы и подходы к описанию языкового материала. В большинстве статей использован корпусный метод, в некоторых статьях взяты данные из других теоретических и описательных работ по исследуемому языку. Также часть статей основана на полевых материалах или же использован смешанный метод. Такое сочетание методов делает возможным разносторонний взгляд на категорию посессивности. Всякий раз акцент делается на типологические примечательные особенности конкретного языка; в совокупности же читателю становится виден представительный набор параметров межкузкового варьирования. В дальнейшем хотелось бы увидеть больше синтаксических тестов, показывающих различные свойства конструкций, с тем чтобы найденные типологами явления могли найти отражение в формальных подходах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 3 — 1-е, 3-е лицо	NOM — номинатив
ATTR — атрибутивность	PL — множественное число
EXCL — эксклюзивное местоимение	POSS — посессивность
GEN — генитив	PRS — настоящее время
GEN.FAM — «семейный» генитив	SG — единственное число
INDEF — неопределенное местоимение	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Барулин 1980 — Барулин А. Н. Категория числа в местоимениях. *Исследования в области грамматики и типологии языков*. Андриященко В. М. (ред.). М.: МГУ, 1980, 145–163. [Barulin A. N.

- Person category in pronouns. *Issledovaniya v oblasti grammatiki i tipologii yazykov*. Andryushchenko V. M. (ed.). Moscow: Moscow State Univ., 1980, 145–163.]
- Гаджиева, Серебренников 1986 — Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис*. М.: Наука, 1986. [Gadzhieva N. Z., Serebrennikov B. A. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Sintaksis* [Comparative-historical grammar of Turkic: Syntax]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Даниэль 2000 — Даниэль М. А. *Типология ассоциативной множественности*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2000. [Daniel M. A. *Tipologiya assotsiativnoi mnozhestvennosti* [Typology of associative plurals]. Ph.D. diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2000.]
- Есперсен 1958 — Есперсен О. *Философия грамматики*. М.: Иностранная литература, 1958. [Jespersen O. *The philosophy of grammar*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1924. Transl. into Russian.]
- Плешак 2017 — Плешак П. С. Некоторые морфосинтаксические особенности горномарийских терминов родства (на материале говоров с. Кузнецово и с. Микряково). *Тезисы чтений к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой* (МГУ, 2017). Эл. публикация, 2017. [Pleshak P. S. Some morphosyntactic properties of kinship terms in Hill Mari (Kuznetsovo and Mikryakovo dialects). *Chteniya k 85-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Kuznetsovoi* (Moscow State Univ., 2017): Book of abstracts. E-publication, 2017.] URL: <http://otipl.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/Pleshak.pdf>.
- Плешак, Холодилова 2018 — Плешак П. С., Холодилова М. А. Именная группа. *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 272–310. [Pleshak P. S., Kholodilova M. A. Noun phrase. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 272–310.]
- Aikhenvald, Dixon 2013 — Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). *Possession and ownership: A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Alexiadou 2001 — Alexiadou A. *Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Baron et al. 2001 — Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). *Dimensions of possession*. (Typological Studies in Language, 47.) Amsterdam: John Benjamins, 2001. URL: <https://doi.org/10.1075/tsl.47.06bar>.
- Croft 2013 — Croft W. Agreement as anaphora, anaphora as coreference. *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 95–118.
- Dixon 2010 — Dixon R. M. W. *Basic Linguistic Theory*. Vol. 2: *Grammatical topics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Dolatkhah et al. 2015 — Dolatkhah S., Csátó É. Á., Karakoç B. On the marker -(y)aki in Kashkay. *Turks and Iranians: Interactions in language and history. The Gunnar Jarring SCAS Program*. (Turcologica, 105.) Csátó É. Á., Johanson L., Róna-Tas A., Utas B. (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015, 283–295.
- Erbasi, Gündoğdu 2017 — Erbası B., Gündoğdu S. Ezafe across language families: Iranian and Altaic. Talk at *North American Conf. in Iranian Linguistics 2017*, Stony Brook Univ.
- Fraurud 2001 — Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? *Dimensions of possession*. Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). (Typological Studies in Language, 47.) Amsterdam: John Benjamins, 2001, 243–267. URL: <https://doi.org/10.1075/tsl.47.14fra>.
- Givón 2001 — Givón T. *Syntax: An introduction*. Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Haspelmath 2013 — Haspelmath M. Argument indexing: A conceptual framework for the syntactic status of bound person forms. *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 197–226.
- Hedberg et al. 2009 — Hedberg N., Görgülü E., Mamani M. On definiteness and specificity in Turkish and Persian. *Proc. of the 2009 Annual Conf. of the Canadian Linguistic Association*. Mailhot F. (ed.). Burnaby: Simon Fraser Univ., 2009. URL: http://homes.chass.utoronto.ca/~cla-acl/actes2009/CLA2009_Hedberg_Gorgulu_Mamani.pdf.
- Heine 1997 — Heine B. *Possession: Cognitive sources, forces and grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511581908>.
- Heine, König 2010 — Heine B., König Ch. On the linear order of ditransitive objects. *Language Sciences*, 2010, 32: 87–131. URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2008.07.002>.
- Heine, Narrog 2015 — Heine B., Narrog H. Grammaticalization and linguistic analysis. *Oxford handbook of linguistic analysis*. Heine B., Narrog H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 401–423. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199677078.001.0001>.

- Kim et al. 2004 — Kim J., Partee B. H., Lander Y. A. (eds.). *Possessives and beyond: Semantics and syntax*. Amherst: GLSA Publ., 2004.
- Khomchenkova 2017 — Khomchenkova I. Discourse use of the possessive affix 3SG in Hill Mari. *50th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (2017). Book of abstracts*. Zürich: Univ. of Zürich, 2017, 381–383.
- Koptjevskaja-Tamm 2002 — Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal possession in the European languages: Form and function. *Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF)*, 2002, 2(55): 141–172.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique*, 2015, 3(60): 289–325.
- Nichols 1988 — Nichols J. On alienable and inalienable possession. *In Honor of Mary Haas: From the Haas Festival Conf. on Native American Linguistics*. Shipley W. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1988, 557–609.
- Seiler 1983 — Seiler H. *Possession as an operational dimension of language*. Tübingen: Narr, 1983.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. *Hierarchy of features and ergativity*. Canberra: Australian National Univ., 1976.
- Stassen 2009 — Stassen L. *Predicative possession*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.

Получено / received 20.09.2019

Принято / accepted 19.11.2019